

Научная статья
УДК 327.82
DOI: 10.21209/2227-9245-2023-29-3-176-186

Трансформация терроризма в векторе выделения новых видов: дипломатический терроризм в отношении России и Китая

Татьяна Николаевна Букреева

Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия
tnbinchina@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7010-4591>

Информация о статье

Статья поступила
в редакцию 28.02.2023

Одобрена после
рецензирования 23.08.2023

Принята к публикации
25.08.2023

Ключевые слова:

терроризм, субъект
терроризма, дипломатия,
государство-террорист,
дипломатический
терроризм, репутационные
потери, Россия, Китай,
Тайвань, Украина

В XXI веке терроризм приобретает новые черты, расширяется круг его субъектов, усложняется, как само явление, так и синтез факторов, необходимых для его анализа. В результате появляются новые виды терроризма, к которым можно причислить такие, как информационный, технологический, экономический. В настоящее время всё большую отчётливость приобретают контуры дипломатического терроризма. Объектом исследования выступают основные виды терроризма, появление которых отчасти связано с прогрессом в области средств массовой коммуникации. Предмет – трансформация терроризма в направлении выявления новых неявных видов терроризма. Цель исследования – выделить дипломатический терроризм как результат трансформации феномена терроризма в XXI в. Для решения цели определены следующие задачи: рассмотреть информационные повестки, формирующие негативный имидж России и Китая в контексте террористической проблематики; представить отдельные примеры актов терроризма в отношении России и Китая; выявить характерные черты дипломатического терроризма как важнейшего инструмента внешнеполитической борьбы с неудобными странами. Методология исследования базируется на общенаучных и прикладных методах исследования, включая анализ, синтез, дедукцию и индукцию. В статье проанализированы факты обвинения России и Китая в пособничестве терроризму со стороны США, Индии и других стран, отмечена тенденция использования рядом государств, в частности, США и их союзников, террористических методов с целью реализации собственных интересов, уделено внимание актуальным примерам террористических актов с применением методов технологического и экономического воздействия. В качестве нового метода культивирования террористической угрозы, автор выделяет дипломатию, используемую официальными государственными лицами как инструмента давления на другие государства и международные организации. В работе предложено рассматривать дипломатический терроризм как самостоятельный вид террористической деятельности. Выявлены характерные особенности дипломатического терроризма.

Original article

The Transformation of Terrorism Concerning the Definition of New Types: Diplomatic Terrorism in Relation to Russia and China

Tatiana N. Bukreeva

Southwest State University, Kursk, Russia
tnbinchina@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7010-4591>

Information about the article

Received 28 February, 2023

Approved after review
23 August, 2023

Accepted for publication
25 August, 2023

In the 21st century, terrorism acquired new features; the number of parties involved in terrorist activities has grown. It has become more complicated to analyse the phenomenon itself and the synthesis of factors necessary for its study. As a result, such new types of terrorism as informational, economic, and technological have appeared. At present, the contours of diplomatic terrorism are becoming more distinct. The object of the study is the main types of terrorism, the origin of which has connections with the progress of mass communication. The subject of the study is the transformation of terrorism in the direction of revealing new implicit types of terrorism. The purpose of the study is to highlight diplomatic terrorism as a result of terrorism transformation in the 21st century. The author has identified the following tasks: to introduce information agendas that form a negative image of Russia

Keywords:

terrorism, subject of terrorism, diplomacy, terrorist state, diplomatic terrorism, reputational loss, Russia, China, Taiwan, Ukraine

and China in the context of terrorist issues; to present specific examples of terrorist attacks against Russia and China; to identify the features of diplomatic terrorism as a tool in the foreign policy struggle against unwelcome countries. The research methodology is based on general scientific and applied research methods, including analysis, synthesis, deduction and induction. The author analyses the facts of accusing Russia and China of complicity in terrorism by the United States, India and other countries, notes the tendency for a number of states, in particular the United States and its allies, to use terrorist methods in order to realize their own interests, pays attention to relevant examples of terrorist acts using methods of the technological and economic impact. The author has distinguished diplomacy used by government officials as a tool of pressure on other states and international organisations. As a result, it is proposed to consider diplomatic terrorism as a separate type of terrorist activity, and the research has determined the characteristic features of this type of terrorism.

Введение. Терроризм – многоплановое явление, представляющее угрозу для национальной безопасности страны и международной стабильности, в целом. В настоящее время можно говорить о том, что явление терроризма не статично, оно эволюционирует и в XXI в. приобретает новые черты, что значительно усложняет проведение контртеррористических мероприятий: появляются новые способы осуществления террористических актов (от похищений и захвата зданий до применения оружия массового уничтожения или хакерских атак с целью дестабилизации национальной финансовой системы), новые методы вербовки террористов (от очного общения до виртуальной вербовки в сетевых играх), новые пути финансирования (от классических пожертвований до использования неофициальной платёжной системы «хава-ла»), а также расширяется круг субъектов терроризма (от террористов-одиночек, террористических организаций до государств). Терроризм следует за инновационными разработками и подстраивается к новым реалиям современной эпохи.

Актуальность исследования обуславливается внешнеполитической повесткой, одной из главной тем которой является террористический инструментарий США и их сторонников в противостоянии России и Китаю, оперирующих разновекторными методами давления и политическими технологиями для реализации долгосрочных деструктивных целей по дискредитации оппонентов на международной арене.

Объектом исследования выступают основные виды терроризма, появление которых отчасти связано с прогрессом в области средств массовой коммуникации. **Предмет исследования** – трансформация терроризма в направлении выявления новых неявных видов терроризма. **Цель исследования** – выделить дипломатический терроризм как результат трансформации феномена терро-

ризма в XXI в. в контексте конкретных международных событий. Для решения цели были определены следующие **задачи**: рассмотреть информационные повестки, формирующие негативный имидж России и Китая в контексте террористической проблематики; представить отдельные примеры актов терроризма в отношении России и Китая; выявить характерные черты дипломатического терроризма как важнейшего инструмента внешнеполитической борьбы с неудобными странами, в частности, России и Китая.

Методология и методы исследования базируется на общенаучных и прикладных методах исследования, включая анализ, синтез, дедукцию и индукцию. В процессе исследования для определения общих признаков, характерных для террористической деятельности, применялся метод индукции. Событийный анализ на основании информации, представленной в крупнейших отечественных и зарубежных средствах массовой информации и сфокусированной на террористической повестке в отношении России и Китая, позволил выделить «государственную» составляющую как одну из тенденций трансформации современного терроризма. Используя сравнительный анализ, продемонстрировано соотношение субъектов, объектов и целей политического, международного и дипломатического терроризма. Дедуктивный метод послужил основой для определения основных черт дипломатического терроризма.

Разработанность темы. Теоретической базой для исследования послужили избранные труды отечественных и зарубежных исследователей по проблематике терроризма, видов терроризма и субъектов террористической деятельности: А. Е. Михайлова [7], А. К. Шарапова [10], Б. В. Сидорова [9], Л. Дж. Андервуда [1], А. В. Возженикова [3], Ц. Чжан [20] и др. В ходе работы изучены актуальные публикации ведущих отечественных и мировых новостных агентств (ТАСС,

PIA, Lenta, the Guardian, CNBC, Reuters, the Diplomat, the Week), а также национальные и международные нормативно-правовые акты по тематике терроризма: Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма (2009), Закон о борьбе с терроризмом Китайской Народной Республики (2018), Федеральный закон Российской Федерации от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

В последнее время на политической арене всё чаще стали появляться сообщения о террористических действиях, осуществляемых с поддержкой отдельных государств, в связи с чем в общественно-политический обиход прочно вошла терминология «страна-спонсор терроризма», «государство террористического режима», «террористическое государство» и т. п. Данную тенденцию в своих исследованиях выделяет и ряд учёных. Так, Б. В. Сидоров отмечает, что субъектами терроризма на международной арене могут быть не только физические лица и организации, но и государства, навязывающие свою волю средствами «цветных» революций, государственных переворотов, развязывания гражданских войн силами террористических организаций или националистических правительств, что наблюдается на Украине [9, с. 121]. В свою очередь А. Е. Михайлов и А. К. Шарапов говорят о проблеме определения совокупного субъекта терроризма, включающего в себя физическое лицо, ответственное за совершение террористического акта и государство, инициирующее предпосылки и условия для появления и эскалации терроризма [7, с. 11, 12].

Как ни парадоксально, в интернете ссылки на запрос определения «государство-спонсор терроризма» сводятся к дефиниции Контртеррористического бюро Госдепа США: «страны, неоднократно оказывавшие поддержку актам международного терроризма и внесенные в список в соответствии с тремя законами (Закон о бюджетных ассигнованиях на национальную оборону на 2019 г., Закон о контроле за экспортом вооружения и Закон об оказании помощи иностранным государствам 1961 г.)» [цит. по: 18]. В соответствии с данным определением речь идёт об оказании материальной и технической поддержки (вооружения, обучения, разведывательной информации), а также предоставлении (даёт прямое согласие, допускает или игнорирует) в использование территории страны в качестве убежища для террористов [16]. Таким

образом, определения термина «террористическое государство» в международном праве не существует, т. е. в самом общем смысле предполагается, что оно вписывается в канву определения «террорист», только в большем масштабе. Из чего можно сделать вывод, что в условиях трансформации и усложнения террористической деятельности и соответствующих предикатных деяний наблюдается отставание нормативной базы.

По состоянию на январь 2023 г. в список государств-спонсоров терроризма США внесены четыре страны: Куба, КНДР, Иран и Сирия [18]. В разное время обвинения в пособничестве терроризму предъявлялись Афганистану, Ливии, Пакистану, Саудовской Аравии, Судану, Турции, Китаю и т. д.

Китаю, как явному региональному лидеру, неоднократно приходилось быть в центре информационной повестки соседних государств в контексте террористической проблематики. Учитывая напряжённость отношений между Китаем и Индией (спорные территории, пограничные конфликты), индийские власти периодически поднимают вопрос об определённых интересах китайских официальных лиц в террористическом сообществе. В частности, 19 октября 2022 г. индийские СМИ резко осудили голосование Китая против внесения лидера международной террористической организации (МТО) «Лашкар-и-Тайба» (запрещена в РФ), действующей с территории Пакистана, в «чёрный список» Совбеза ООН [6]. До этого аналогичная ситуация складывалась с Масуром Ажаром, пакистанским лидером террористической организации «Джайш-э-Мухаммед» (запрещена в РФ), которого Индии в мае 2019 г. после 10 лет дипломатических баталий и обсуждений в Комитете 1267 Совбеза ООН удалось внести в список международных террористов [17]. Индийские новостные агентства в 2020 г. растиражировали новость о переговорах китайской стороны с террористической организацией «Аль-Бадр» [12]. Кроме того, неоднократно появлялись сообщения о наличии китайского вооружения у боевиков-повстанцев Нагаленда, восточного индийского штата. Индийские власти заявляли о намеренном провоцировании Китаем напряженности вдоль линии текущего контроля между Китаем и Индией с целью передислокации индийских военнослужащих из северо-восточного региона на китайско-индийскую границу, тем самым создавая благоприятные условия для деятельности повстанцев [11].

Власти Мьянмы в середине 2020 г. также обвиняли Китай в поставках современного вооружения и финансовых средств движению за отделение от Мьянмы «Армии Аракана», действующего в коридоре из Северо-Восточной Индии через штаты Чин и Ракхайн в Мьянме до побережья Индийского океана. Кроме обвинений в поставках вооружения сепаратистским движениям, использующим террористические методы, Китай подозревали в приобретении у террористов вооружения. Так, в октябре 2001 г. *The Guardian* разместила информацию о связи Китая с «Аль-Каидой» (запрещена в России), в частности, британское издание предприняло попытку разоблачить приобретение Китаем (с целью изучения военных технологий) в конце 1990-х гг. у террористической организации неразорвавшихся американских ракет, выпущенных США по Афганистану во время нападения на лагерь Усама бен Ладена 20 августа 1998 г. [13]. Примечательно, что данная информация была размещена сразу же после личной встречи президента Дж. Буша («младшего») с председателем КНР Цзян Цзэминем, в ходе которой американская сторона заручилась поддержкой Китая в войне против терроризма.

Террористическая подоплёка бросает тень на китайско-пакистанские отношения, что сказывается и на международном имидже Китая, претендующего на главенствующую роль в контртеррористической борьбе в регионе. Не осталась незамеченной попытка КНР «тихого» лоббирования исключения Пакистана из «серого списка» ФАТФа на очередном заседании в Берлине 12–17 июня 2022 г.

Поскольку с началом специальной военной операции (СВО) России по денацификации и демилитаризации Украины пропаганда стран Запада приобрела открытый антироссийский характер, то терминология о государстве-террористе всё чаще используется исключительно в отношении России. Так, Украина, Литва, Латвия, Эстония и Польша в 2022 г. признали Россию террористическим государством, к ним присоединились три европейских института, Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ), Европейский парламент и Парламентская ассамблея НАТО, издав соответствующие резолюции. Однако значимые происшествия и инциденты последних двух лет (2021–2022 гг.) указывают на деструктивность внешнеполитического курса США и их сторонников.

Таким образом, можно наблюдать активизацию использования дипломатических

средств в достижении целей, относящихся к террористическим. В частности, формирование атмосферы напряжённости и нестабильности на конкретной территории, панических настроений, поощрение (либо непрепятствование) деятельности террористических организаций и т. п. Отличительной чертой подобных деяний является гласность (публичность), использование официальных каналов коммуникаций.

Постановка проблемы. Термин «терроризм», направленный на раскрытие сущности явления, имеется, как в национальных нормативно-правовых актах, так и в международном праве, включая нормативные документы интеграционных объединений. В самом общем виде он представлен в документации ООН и Конвенции ШОС. Конвенция ШОС о сотрудничестве против терроризма рассматривает терроризм как идеологию насилия, в определении Управления ООН по наркотикам и преступности терроризм преподносится как тревожный метод насильственных действий, в Федеральном законе РФ «О противодействии терроризму» терроризм – это идеология насилия и практика воздействия на органы государственной власти [1, с. 26], в «Законе о борьбе с терроризмом Китайской Народной Республики» терроризм трактуется как использование насильственных методов для создания угрозы общественной безопасности.

Тем не менее, всё многообразие понятий терроризма в официальных документах, а также все авторские определения, сводятся к стандартным формулировкам, таким образом, отличительными характеристиками терроризма являются:

1. Реализация политических целей (воздействие на органы власти, смена политического режима или достижение иных социальных изменений).
2. Применение или угроза применения насильственных действий (устрашение населения как средство достижения политических целей).
3. Нанесение материального или морального ущерба, что не является конечной целью.

Подобные характеристики встречаются практически во всех определениях и приобретают конкретику при классифицировании и определении вида терроризма.

Развитие технологий в разных сферах деятельности и процесс глобализации привели к росту разнообразных форм появлений

терроризма, что позволило прийти к ранжированию или классификации различных видов, отличающихся используемыми средствами для достижения целей, масштабами и последствиями, мотивами деятельности и так далее. Анализ публикаций, затрагивающих проблематику терроризма, свидетельствует о том, что терроризм всё чаще обозначает умышленные насильственные действия, осуществляемые не прямым воздействием силы (вооруженное нападение, захват заложников, угон транспортных средств, разрушение инфраструктуры, самоподрыв и т. п.), а опосредованными средствами, имеющими не такой показательный эффект, но в долгосрочной перспективе способными привести к более масштабному ущербу различного характера. В данном случае имеются в виду такие виды терроризма как «экономический терроризм», «информационный терроризм», «технологический терроризм» и т. п. Профессор Северо-западного университета политики и права (г. Сиань, КНР) Чжан Цзиньпин отмечает, что некоторые исследователи выделяют виды терроризма исходя из объектов террористических атак. Так, китайский исследователь ссылается на военного историка из Израиля Шауль Шая, оперирующего формулировкой «культурный терроризм», при котором атакуются культурные объекты и символы [20, с. 41].

Среди всего многообразия квалификаций А. В. Возжеников также отдельно выделяет технологический терроризм, к которому причисляет биологический, ядерный, химический терроризм, масштабный по своим последствиям, зачастую затрагивающий объекты критической инфраструктуры [3, с. 20]. Ряд международных и российских экспертов сходятся во мнении, что с каждым годом возрастает угроза использования террористами техногенных методов с применением химических, радиоактивных и биологических веществ [4, с. 47]. Таким образом, данные виды терроризма приобретают все большую вероятность осуществления и распространенность, выходят за пределы национальных государств с выраженными политизированными мотивами, а участниками террористических действий становятся государства, пытающиеся таким образом реализовать свои интересы.

Относительно молодой вид терроризма, который сформировался во второй половине XX в., а окончательное осознание наступило в XXI в. – это технологический терроризм. В

данном контексте имеется в виду создание препятствий или полная блокировка ресурсов для разработки инновационных технологий. Так, обострение китайско-американских политических отношений на фоне ситуации вокруг Тайваня привели к очередным попыткам США оказать на Китай давление путем «технологической блокады». 6 июля 2022 г. на очередной пресс-конференции официальный представитель Министерства иностранных дел КНР Чжао Лицзянь назвал фактом технологического терроризма попытки США заставить Нидерланды ограничить деятельность голландской компании ASML, специализирующейся на выпуске литографического оборудования для микроэлектронной промышленности, в Китае [19]. Реализация подобного плана нанесёт ущерб китайской IT промышленности, что демонстрирует политизированный и идеологически-ориентированный подход США в решении экономических вопросов.

Все виды терроризма в той или иной мере наносят прямой материальный ущерб, но в условиях нарастания межгосударственных противоречий все чаще стали говорить об экономическом терроризме как попытке расшатать социально-экономическую систему страны, её финансовую систему или отдельный сектор экономики страны. Так, военный эксперт А. Г. Артамонов со ссылкой на китайское англоязычное новостное агентство Global Times приводит пример «экономического терроризма» с участием вдохновителя цветных революций Джорджа Сороса, о причастности которого к кризису на китайском рынке недвижимости все чаще говорят в мире, особенно в контексте разногласий с крупнейшим инвестиционным фондом BlackRock [2, с. 81].

Все вышеперечисленные виды терроризма, наряду с «привычным» видом посредством нанесения вреда с использованием обычного вооружения, психолого-социальных и иных способов, уже получили достаточно широкое распространение в научных исследованиях, нормативно-правовых актах, а предполагаемый ущерб различного рода эксперты уже умеют рассчитывать или определять его порядок. Однако в последнее время участились факты «голословного» обвинения какой-либо страны со стороны официальных лиц других государств. Несмотря на внешнее проявление и видимую безобидность, ущерб от подобного рода заявлений может оказаться существенным, как с материальной точки

зрения (например, падения котировок курса акций, основанное на ожиданиях (психологическое)), так и с нематериальной. Причём нематериальный ущерб носит долгосрочный характер и может проявляться в самых неожиданных ситуациях. В связи с участвовавшей подобной практикой считаем необходимым придать научнообоснованную форму и классифицировать подобные явления в качестве еще одного из видов терроризма.

Результаты исследования. Как показывает практика, международная составляющая террористических актов зачастую представлена влиятельными политическими кругами иностранных государств, транснациональными корпорациями, зарубежными спецслужбами и т. п., что значительно затрудняет борьбу с терроризмом. В случае, когда одно государство официально признает террористическим другое, объявляя это на международном уровне, при этом приня-

тию такого внешнеполитического решения предшествует преднамеренное формирование негативного образа другого государства, а при необходимости и односторонняя подача фактов (подтасовка) при помощи дипломатии как проводника и инструмента осуществления межгосударственных отношений, уместно говорить о дипломатическом терроризме. Таким образом, в современных условиях происходит трансформация дипломатии и её средств: изменение мирных методов деятельности (переговорного процесса) на агрессивный политический нарратив, направленный на дискредитацию государства. В нашем понимании дипломатический терроризм можно рассматривать как «гибридный» вид терроризма и как элемент «гибридной» войны, отдельные характеристики которого свойственны политическому и международному терроризму, представленные в таблице.

Соотношение видов терроризма / The ratio of types of terrorism

	<i>Политический терроризм / Political terrorism</i>	<i>Международный терроризм / International terrorism</i>	<i>Дипломатический терроризм / Diplomatic terrorism</i>
Субъекты / Subjects	Радикальное (ультрарадикальное) крыло политической власти, террористы-одиночки / Radical (ultra radical) wing of political power, lone terrorists	Международные террористические организации (МТО), представители МТО (террористы-одиночки) / International terrorist organizations (ITO), representatives of the ITO (lone terrorists)	Официальные лица: официальные представители государств или представители международных организаций / Officials: official representatives of states or international organizations
Объекты / Objects	Лица, обладающие властью, и население внутри страны / Persons in power and the population within the country	Государственные деятели конкретного государства и население этого государства / Statesmen of a particular state and the population of this state	Государственные деятели конкретного государства и население этого государства / Statesmen of a particular state and the population of this state
Цели / Purposes	Захват власти, государственный переворот, подрыв социально-правовой системы общества, дискредитация конституционного общественного строя, политических институтов, представителей органов власти и т. д. / Seizure of power, coup d'état, undermining the socio-legal system of society, discrediting the constitutional social system, political institutions, representatives of authorities, etc.	Воздействие на мировое сообщество и международные организации, оказание давления на международные институты, нарушение международного правопорядка для достижения целей / Impact on the world community and international organizations, putting pressure on international institutions, violating international law and order to achieve goals	Дестабилизация обстановки в конкретной сфере или государственной структуре (экономической, общественной, политической и т. п.), подрыв доверия к органам власти и репутации страны на мировой арене / Destabilization of the situation in a specific area or state structure (economic, social, political, etc.), undermining the trust in the authorities and the country's reputation on the world stage

Как видно из таблицы, каждый из трёх видов терроризма представлен разными субъектами, осуществляющими или управляющими деструктивными действиями. В случае международного и дипломатического терроризма объектом агрессии является конкретное государство (государственные деятели или население этого государства). Несмотря

на сформулированные в таблице для каждого вида терроризма разные цели, можно с определённой уверенностью констатировать, что цели дипломатического терроризма во многом схожи с политическим терроризмом (подрыв доверия к органам власти, дискредитацию общественного строя и политических институтов внутри страны, дестабилизация

обстановки в конкретной сфере), а также имеют такие черты международного терроризма как оказание давления на мировое сообщество с целью дискредитации репутации государства-мишени на международной арене. Кроме того, считаем уместным разграничить дипломатический терроризм и государственный, поскольку в нашем понимании государственный терроризм оперирует более широким спектром методов воздействия (от политико-экономического давления до вооружённой борьбы), в то время как дипломатический терроризм опирается исключительно на дипломатию и её инструментарий (диалог, обмен делегациями, визиты, сбор и распространение информации и т. п.). К тому же дипломатический терроризм неразрывно связан с публичностью, в то время, как государственный может осуществляться в скрытой неявной форме.

Тем не менее, деструктивность целей всех видов терроризма очевидна, как и функций терроризма, под которыми А. К. Шарапов понимает внешнее проявление и воздействие терроризма по отношению к обществу и политической системе [10, с. 126]. Однако если морально-психологическая функция политического терроризма (согласно А. К. Шарапову) заключается во внедрении в общественное сознание идеи морального превосходства террористов над обществом и его властью [Там же, с. 131], то в дипломатическом терроризме стоит говорить о деструктивной идее идеологического превосходства, например, активное позиционирование на Западе превосходства американской демократии над социализмом с китайской спецификой, европейской толерантности над русским традиционализмом и т. п.

Обобщая всё вышесказанное, можно сказать, что для дипломатического терроризма характерны следующие черты:

1. Заявления или конкретные шаги делаются официальными лицами: главами государств, официальными представителями глав государств и внешнеполитических ведомств, парламентов и т. п., представителями статусных международных организаций.

2. Целью (мишенью) деструктивных заявлений или действий становится конкретное государство в целом или конкретный представитель высшего руководства страны. Однако деструктивное воздействие может быть направлено на конкретную часть общества в рамках достижения вышеуказанных целей.

3. Высказывания, зачастую дезинформирующего содержания, или действия официальных лиц носят деструктивный характер и направлены на дестабилизацию обстановки в конкретной сфере или государственной структуре, смену политического строя, провокацию в качестве повода (предлога) к дальнейшим действиям. Подобного рода действия могут осуществляться как в ситуации отсутствия объективных причин для дестабилизации, так и в качестве дополнительного инструмента (либо катализатора) в условиях напряжённости. Например, заявление в ООН министра обороны США Колина Пауэлла о наличии в Ираке разработок в сфере ядерного оружия, что послужило предлогом к осуществлению военных действий, в т. ч. вследствие поддержки части мирового сообщества. В конечном счёте, это заявление оказалось неподтверждённым, а политический режим был уже сменён в регионе активизировались МТО и значительно вырос уровень социальной напряжённости.

4. В качестве технологий, формирующих негативное общественное мнение о «государстве-агрессоре», используются мировые средства массовой информации (иностранное новостные агентства, ведущие глобальное вещание), а также иные средства «цифровой дипломатии» (Интернет, мессенджеры и т. п.). Именно это обусловило факт появления такого вида террористической деятельности.

5. Ущербом являются различного рода убытки: репутационные потери «государства-агрессора», формирование негативного имиджа государства, например, кампания по «отмене русской культуры», а также санкционные издержки, наносящие урон экономике как данной стране, так и странам-партнёрам.

Репутационные потери как результат террористической деятельности присутствуют во всех видах терроризма независимо от его природы, однако поскольку заявления официальных лиц широко транслируются в информационном поле, они (репутационные потери) являются первоочередными при фактах дипломатического терроризма. Так, формирование негативного информационного поля на высшем уровне в отношении другого актора мировой политики ведёт к образованию соответствующего имиджевого впечатления, и как следствие к изоляции (обычно, частичной) государства, проявляющейся в ослаблении (разрыве) социокультурных связей, отказе от реализации экономических

проектов, выходе из международных организаций и т. д. Таким образом, страдает репутационный капитал государства, способный обеспечить устойчивое положение субъекту репутации (государству) на международной арене [5, с. 111].

Опираясь на характеристики дипломатического терроризма, приведенные выше, можно утверждать, что к факту дипломатического терроризма можно отнести визит Нэнси Пелоси на Тайвань 2–3 августа 2022 г.

1. Н. Пелоси – официальное лицо, спикер Палаты представителей США (до 3 января 2023 г.), известная своими антикитайскими настроениями (выступление на площади Тяньаньмэнь в 1991 г. с плакатом в поддержку демократии в Китае), совершает официальный визит на Тайвань, несмотря на предостережение председателя Си Цзиньпина во время телефонного разговора с президентом США Дж. Байденом (29.07.2022), называя поступки США по тайваньскому вопросу «игрой с огнем».

2. Цель американской стороны – осознанно загнать китайско-американские отношения в тупик [8], устроить антикитайские провокации в преддверии XX Всекитайского съезда КПК, на котором состоялось переизбрание верховного руководства страны, включая лидера КНР. Таким образом, линия рационального поведения руководства Китая могла спровоцировать негативную реакцию сторонников активных действий в отношении Тайваня и привести к дестабилизации внутривосточной обстановки в Китае.

3. Речь Пелоси во время совместной пресс-конференции с лидером Тайваня Цай Инвэнь носила открытый антикитайский характер и была построена на оборотах, которые могли бы стать «красными линиями» для Китая: «процветающее партнерство между США и Тайванем на основе самоуправления и самоопределения», «борьба между демократией и автократией», «демократия (на острове) как контраст с тем, что происходит на материковом Китае» и т. п. [14]. Данные высказывания можно трактовать как поддержку сепаратистских сил, что уже является деструктивным действием по отношению к официальному статусу Тайваня в контексте подхода «одна страна, две системы».

4. Визит Пелоси на Тайвань получил широкое освещение в мировой прессе, а последующие визиты официальных лиц других государств-сторонников США (Франция, Литва, Чехия, Германия, Бельгия и т. д.) на

остров получили в зарубежных СМИ название «эффект Пелоси». Ведущие мировые и региональные информационные агентства, например, Reuters и Bloomberg поднимали тему Китая и Тайваня в августе 2022 г. более 15 раз с осуждением непримиримости Китая в отношении укрепления международного партнерства между Тайванем, который Китай считает частью своей территории, и другими государствами.

5. Антикитайские провокации США вынуждают Китай прибегать к демонстрации силы (проведение регулярных военных учений), что, с одной стороны, способствует утверждению за Китаем статуса «военной державы», с другой стороны, наносит ущерб репутации страны, формируя имидж «регионального агрессора», претендующего на военное лидерство в регионе, следовательно, способного предпринять активные шаги не только в отношении Тайваня, но и прочих спорных территорий. Также подобного рода внеплановые учения, с экономической точки зрения, это и дополнительные расходы в условиях финансовой нагрузки, связанной с коронакризисом, санкциями против КНР и внутренними социально-экономическими проблемами. Подобное развитие ситуации (прежде всего, повышение градуса напряженности в регионе) вызывает озабоченность у Японии и Республики Кореи, и подталкивает их на прогнозирование возможных событий в Тайваньском проливе и планирование дипломатических шагов (ответных мер, поддержки одной из сторон).

В разное время широкорастиражированными повестками дипломатического терроризма со стороны США относительно Китая становились преследование и заключение уйгуров в лагеря перевоспитания, нарушения прав человека в Тибете, обвинения в кибершпионаже, происхождение коронавируса, силовой захват Тайваня. В Европе, начиная с 2019 г., вслед за США активнее всего антикитайские настроения подхватила Литва, последствия провокационной дипломатии (в нашем понимании дипломатического терроризма) которой имели двусторонний эффект: в ответ на наложенные Евросоюзом на Китай санкции Китай, в свою очередь, сделал невозможным экспорт литовских товаров в Китай.

В свою очередь Россия в очередной раз превратилась в объект дипломатического терроризма в 2014 г. после исторического воссоединения Крыма и России. Новый виток дипломатической агрессии в сторону России

обрушился в феврале 2022 г. с началом СВО. Национальная стратегия безопасности США от 12 октября 2022 г. рассматривает Китай в качестве главного конкурента США, стремящегося к изменению мирового порядка и имеющего для этого все необходимые ресурсы (экономические, дипломатические, военные, технологические и т. д.). Россия в американской стратегии безопасности называется государством с империалистической внешней политикой, нацеленной на устранение ключевых элементов существующего мирового порядка [15]. Таким образом, Россия и Китай определяются США главными угрозами международному миру и стабильности. Данная установка получила широкую огласку среди союзников США в Европе, что лишь усилило агрессивную риторику в регионе, прежде всего, в отношении России как соседствующего государства. Практически сразу после выхода в свет Национальной стратегии безопасности США, верховные органы власти Эстонии (18.10.2022), Польши (26.10.2022), Чехии (16.11.2022) принимают резолюции о признании России государством-спонсором терроризма.

Выводы. Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что в настоящее время наблюдается трансформация понятия «терроризм», о чём свидетельствует появление новых видов терроризма, оперирующих разнообразными средствами и инструментами. Современная тенденция такова, что дипломатия, являясь ведущим инструментом внешней политики го-

сударства и проводником межгосударственных отношений, постепенно превращается в средство агрессивной внешнеполитической борьбы, нацеленное на планомерное преследование национальных лидеров неугодных государств и угрожающее безопасности наций и территориальной целостности государств. Прибегая в дипломатии к агрессивному политическому нарративу, официальные лица одних стран на высшем уровне записывают в террористы лидеров других и «назначают» террористическими целые государства, таким образом, создаются предпосылки для вырисовывания контуров дипломатического терроризма. За последнее десятилетие Россия и Китай стали объектами дипломатического терроризма со стороны США и их сторонников. Вокруг обеих стран создаётся пояс перманентного запугивания с целью дестабилизации ситуации как внутри каждой из стран, так и в масштабах всего региона, что вынуждает Россию и Китай искать новые пути противодействия дипломатическому терроризму, в том числе путём активного сотрудничества в борьбе с новой террористической угрозой. С научной точки зрения предложено рассматривать дипломатический терроризм как самостоятельный вид террористической деятельности, а также выявлены характерные особенности этого вида терроризма. В то же время, несомненно, вопрос использования дипломатии как инструмента терроризирования конкретных государств и регионов требует дальнейших научных исследований.

Список литературы

1. Андервуд Л. Дж. Корень всего зла? Терроризм: религия и политика. Харьков: Гуманитарный Центр, 2021. 184 с.
2. Артамонов А. Г. Бесолюди. Современные хозяева мира против России. М.: Концептуал, 2022. 208 с.
3. Возжеников А. В. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство: монография. М.: Изд-во РАГС, 2005. 528 с.
4. Глотов Е. Н., Шарифуллина Л. Р., Козырева А. А. Химический терроризм в социально-политических конфликтах. Текст: электронный // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2014. № 2. С. 47–52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/himicheskiy-terrorizm-v-sotsialno-politicheskikh-konfliktah> (дата обращения: 14.12.2022).
5. Гришин О. Е., Соколова А. Э. Формирование репутационного капитала государства: инновационные информационно-коммуникационные технологии. Текст: электронный // PolitBook. 2013. № 2. С. 106–115. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-reputatsionnogo-kapitala-gosudarstva-innovatsionnye-informatsionno-kommunikatsionnye-tehnologii> (дата обращения: 12.01.2023).
6. Китай заблокировал предложение Индии и США в СБ ООН по списку международных террористов. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16094093> (дата обращения: 25.12.2022). Текст: электронный.
7. Михайлов А. Е. Проблемы понимания международного терроризма: общетеоретический аспект: монография. М.: Прометей, 2019. 120 с.
8. Петровский В. Пекин, Вашингтон и «первая красная линия». URL: <https://interaffairs.ru/news/show/38007> (дата обращения: 15.12.2022). Текст: электронный.

9. Сидоров Б. В. Новое в определении терроризма, международного терроризма, террористического акта и акта международного терроризма и проблемы совершенствования российского уголовного законодательства. Текст: электронный // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 2. С. 115–121. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novoe-v-opredelenii-terrorizma-mezhdunarodnogo-terrorizma-terroristicheskogo-akta-i-akta-mezhdunarodnogo-terrorizma-i-problemy> (дата обращения: 16.11.2022).
10. Шарапов А. К. Деструктивная направленность доминирующих функций терроризма в геополитическом процессе. Текст: электронный // Вестник Забайкальского государственного университета. 2017. Т. 23, № 9 С. 125–133. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/destruktivnaya-napravlennost-dominiruyuschih-funktsiy-terrorizma-v-geopoliticheskom-protsesse> (дата обращения: 16.11.2022).
11. Banerjee R. China might have orchestrated Myanmar coup to push drugs, arms and terrorists into northeast. URL: <https://www.theweek.in/theweek/cover/2022/01/01/china-might-have-orchestrated-myanmar-coup-to-push-drugs-arms-terrorists-into-northeast.html> (дата обращения: 23.10.2022). Текст: электронный.
12. China wants to revive Pakistan-based terror group Al Badr. URL: <http://www.uniindia.net/china-wants-to-revive-pakistan-based-terror-group-al-badr/india/news/2062254.html> (дата обращения: 15.12.2022). Текст: электронный.
13. Cooper J. Claims that China paid Bin Laden to see cruise missiles. URL: <https://www.theguardian.com/world/2001/oct/20/china.afghanistan> (дата обращения: 12.01.2023). Текст: электронный.
14. Nancy Pelosi visits Taiwan: Highlights from her speech. URL: <https://www.cnbc18.com/world/nancy-pelosi-visits-taiwan-highlights-from-her-speech-14351982.htm> (дата обращения: 20.12.2022). Текст: электронный.
15. National Security Strategy. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 20.10.2022). Текст: электронный.
16. Reeves J. R. A New Typology for State-Sponsored International Terrorism. URL: <https://www.hsdl.org/?view&did=699794> (дата обращения: 20.11.2022). Текст: электронный.
17. Rej A. Why did China change its position now on listing JeM chief Masood Azhar at the Security Council? URL: <https://thedi diplomat.com/2019/05/why-did-china-change-its-position-now-on-listing-jem-chief-masood-azhar-at-the-security-council> (дата обращения: 02.12.2022). Текст: электронный.
18. State Sponsors of Terrorism. URL: <https://www.state.gov/state-sponsors-of-terrorism/> (дата обращения: 10.12.2022). Текст: электронный.
19. 美国施压荷兰对华禁售光刻机，外交部：典型的技术恐怖主义！= США оказали давление на Нидерланды, чтобы запретить продажу литографических машин в Китай, Министерство иностранных дел: это – классический технологический терроризм! URL: https://gov.sohu.com/a/564530185_180220 (дата обращения: 27.01.2023). Текст: электронный.
20. 张金平. 当代恐怖主义与反恐策略. 北京：时事出版社，2019. 192页。@@ Чжан Цзиньпин. Современный терроризм и контртеррористическая стратегия. Пекин: Шиши чубаньшэ, 2019. 192 с.

References

1. Underwood L. J. The Root of All Evil? Religious Perspectives on Terrorism. Kharkov: Humanitarian Center Publ., 2021. (In Rus.).
2. Artamonov A. G. Inhumans. Modern masters of the world against Russia. Moscow: Kontseptual Publ., 2022. (In Rus.).
3. Vozhenikov A. V. International terrorism: struggle for geopolitical dominance. Moscow: RAGS Publ., 2005. (In Rus.).
4. Glotov E. N., Sharifullina L. R., Kozyreva A. A. Chemical terrorism in social and political conflicts. Scientific and educational tasks of civil defence, no. 2, pp. 47–52, 2014. Web. 14.12.2022. <https://cyberleninka.ru/article/n/himicheskiy-terrorizm-v-sotsialno-politicheskikh-konfliktah>. (In Rus.).
5. Grishin O. E., Sokolova A. E. Formation of reputational capital of the state: innovative information-communication technologies. PolitBook, no. 2, pp. 106–115, 2013. Web. 10.01.2023. <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-reputatsionnogo-kapitala-gosudarstva-innovatsionnye-informatsionno-kommunikatsionnye-tehnologii>. (In Rus.).
6. China has blocked the proposal of India and the United States to the UN Security Council on the issue of international terrorists. Web. 25.12.2022. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16094093>. (In Rus.).
7. Mikhailov A. E. Problems of understanding international terrorism: general theoretical aspect. Moscow: Prometei Publ., 2019. (In Rus.).
8. Petrovsky V. Beijing, Washington and the «first red line». Web. 15.12.2022. <https://interaffairs.ru/news/show/38007>. (In Rus.).
9. Sidorov B. V. Novelty in definition of terrorism, international terrorism and acts of international terrorism and problems of improving Russian criminal legislation. The Review of Economy, the Law and Sociology, no. 2, pp. 115–121, 2017. Web. 16.11.2022. <https://cyberleninka.ru/article/n/novoe-v-opredelenii-terrorizma-mezhdunarodnogo-terrorizma-terroristicheskogo-akta-i-akta-mezhdunarodnogo-terrorizma-i-problemy>. (In Rus.).

10. Sharapov A. K. Destructive orientation of the dominant functions of terrorism in the geopolitical process. Bulletin of the Transbaikal State University, vol. 23, no. 9, pp. 123–133, 2017. Web.16.11.2022. <https://cyberleninka.ru/article/n/destruktivnaya-napravlennost-dominiruyuschih-funktsiy-terrorizma-v-geopoliticheskom-protseesse>. (In Rus.).
11. Banerjee R. China might have orchestrated Myanmar coup to push drugs, arms, terrorists into northeast Web.23.10.2022. <https://www.theweek.in/theweek/cover/2022/01/01/china-might-have-orchestrated-myanmar-coup-to-push-drugs-arms-terrorists-into-northeast.html>. (In Eng.).
12. China wants to revive Pakistan-based terror group Al-Badr. Web. 15.12.2022. <http://www.uniindia.net/china-wants-to-revive-pakistan-based-terror-group-al-badr/india/news/2062254.html>. (In Eng.).
13. Claims that China paid Bin Laden to see cruise missiles. Web.12.01.2023. <https://www.theguardian.com/world/2001/oct/20/china.afghanistan>. (In Eng.).
14. Nancy Pelosi visits Taiwan: Highlights from her speech. Web. 20.12.2022. <https://www.cnbctv18.com/world/nancy-pelosi-visits-taiwan-highlights-from-her-speech-14351982.htm>. (In Eng.).
15. National Security Strategy. Web. 20.10.2022. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (In Eng.).
16. Reeves J. R. A New Typology for State-Sponsored International Terrorism. Web. 20.11.2022. <https://www.hsdl.org/?view&did=699794>. (In Eng.)
17. Rej A. Why did China change its position now on listing JeM chief Masood Azhar at the Security Council? Web. 02.12.2022. <https://thediplomat.com/2019/05/why-did-china-change-its-position-now-on-listing-jem-chief-masood-azhar-at-the-security-council/>. (In Eng.).
18. State Sponsors of Terrorism. Web. 10.12.2022. <https://www.state.gov/state-sponsors-of-terrorism/>. (In Eng.).
19. The United States pressured the Netherlands to ban the sale of lithography machines to China. The Ministry of Foreign Affairs: Typical technological terrorism! Web. 27.01.2023. https://gov.sohu.com/a/564530185_180220. (In Chin.).
20. Zhang Jinping. Contemporary Terrorism and Counter-terrorism Strategy. Beijing: Shishi Chubanshe Publ., 2019. (In Chin.).

Информация об авторе

Букреева Татьяна Николаевна, старший преподаватель, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия; tnbinchina@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7010-4591>. Область научных интересов: международные отношения, взаимодействие России и Китая, международная стабильность, безопасность, политические деструкции.

Information about the author

Bukreeva Tatiana N., senior lecturer, Southwest State University, Kursk, Russia; tnbinchina@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7010-4591>. Research interests: international relations, Russia-China interactions, international stability, security, political destructions.

Для цитирования

Букреева Т. Н. Трансформация терроризма в векторе выделения новых видов: дипломатический терроризм в отношении России и Китая // Вестник Забайкальского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 176–186. DOI: 10.21209/2227-9245-2023-29-3-176-186.

For citation

Bukreeva T. N. The transformation of terrorism concerning the definition of new types: diplomatic terrorism in relation to Russia and China // Transbaikal State University Journal. 2023. Vol. 29, no. 3. P. 176–186. DOI: 10.21209/2227-9245-2023-29-3-176-186.